

Опыт философии русской литературы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
О-62

О-62 Опыт философии русской литературы / – М.: Книга по Требованию, 2026. – 384 с.

ISBN 978-5-458-54933-2

ISBN 978-5-458-54933-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

насколько это для нея возможно, къ социологіи,—такъ, тѣмъ же путемъ идетъ исторія литературы.

«Къ чему, спрашиваетъ Лакомбъ, служить простое знаніе сырыхъ фактовъ?*) Какая польза, напр., знать, что македонецъ по имени Александръ одержалъ побѣду надъ персами, или что дѣйствительно такой-то ораторъ составилъ рѣчь, ложно приписываемую Демосѳену? Этотъ вопросъ возможенъ лишь потому, что всякое знаніе должно, въ концѣ концовъ, привести насъ къ истинѣ и эмоціи».

Если всякое знаніе, то, конечно, и историко-литературное.

Необходимый путь развивающагося ума—путь обобщенія, синтеза. Только онъ вдохновляетъ «великую черную работу» точнаго опредѣленія исторической дѣйствительности. Когда появился въ Россіи первый журналъ, кто былъ его авторомъ, его читателемъ? Какимъ матеріаломъ наполнялись его столбцы? Какую цѣль въ своемъ самосознаніи ставилъ онъ своей работѣ? Или: каковы были внѣшнія условія жизни русской литературы? Какую борьбу съ цензорами выдержала она? Какъ и кѣмъ наполнялись кадры писателей? — вотъ вопросы историко-литературной реальности, вопросы критико-біографическихъ словарей, монографій, исторіи литературы въ собственномъ смыслѣ слова.

Только на почвѣ этой великой черной работы (обязанность которой при нормальномъ положеніи вещей должна быть возложена на академіи, которая пока ничего не дѣлаютъ, и на ученые общества, которыхъ слишкомъ мало) возможно итти дальше, искать типичное и необходимое въ огромной грудѣ сырого матеріала и стремиться къ созданію философіи и науки.

И въ исторіи литературы, повторяю, этотъ процессъ начался уже давно. Моя книга по моему плану должна войти въ его русло, но опредѣленіе дальнѣйшей ея участи зависитъ, разумѣется, не отъ меня.

Первое и самое элементарное мое требованіе это отрѣшиться отъ біографическаго матеріала. Признаюсь, мнѣ совершенно никакого нѣтъ дѣла до того, былъ ли, напр., Некрасовъ честнымъ и благороднымъ человѣкомъ, какъ утверждаетъ А. Н. Пыпинъ, или героемъ-работомъ (?), какъ нелѣпо доказываетъ Г. Е. Елисѣевъ, или литературнымъ Ruffiano (разбойникомъ), какъ звалъ его Герценъ; но мнѣ есть дѣло до поэзіи Некрасова, особенно же до тѣхъ ея мотивовъ, въ которыхъ я слышу народолобіе или голосъ городского пролетарія. Мнѣ важно отношеніе Некрасова къ мужику, землѣ, Россіи, какъ важно такое отношеніе разныхъ писателей вообще, даже всей нашей литературы; а откуда Некрасовъ досталъ деньги на изданіе «Современника», это уже дѣло его біографа.

Тамъ и здѣсь изучаютъ уже нарастаніе и образованіе литературныхъ типовъ (напр., Донъ-Жуана, Фауста и т. д.), его развѣтвленія, какъ будто рѣчь шла о какомъ-нибудь пластѣ земной коры или животномъ видѣ. Литературные типы имѣютъ свою исторію; произ-

*) Развѣ нравоучительнымъ цѣлямъ. См. Лакомбъ, „Соціологическія основы исторіи“, стр. 3.

вольность и оригинальность художественного творчества подвергается все большимъ ограниченіямъ. Мы имѣемъ теперь право говорить о литературѣ и ея жизни, а не о жизни писателей...

Конечно, свести роль отдѣльныхъ писателей, роль героевъ литературы къ *quantité negligible* трудно, да и не къ чему. Новая, едва намѣченная наукой сила жизни, *сила движенія* несомнѣнно закрѣпляетъ ихъ значеніе *). Но все же исторія литературы дальше и дальше уходитъ отъ критики и монографій, становясь исторіей идей, типовъ, настроеній... Воспринявъ идею необходимости, она преобразуется въ *философію исторіи*.

Въ нестромъ разнообразіи историко-литературныхъ фактовъ я ищу господствующую идею, общій центръ притяженія. Для меня такимъ центромъ является борьба за *освобожденіе личности*, и общества также; но говорить объ этомъ излишне, ибо не свободно то общество, въ которомъ не безусловно свободна личность.

Тому, кто скажетъ, что вытягивать все разнообразіе литературныхъ явленій въ одну линію и сводить ихъ къ одному центру незаконно, я отвѣчу: если политическая экономія имѣетъ право разсматривать человѣка только какъ производителя и потребителя цѣнностей, если фізіологія видитъ въ немъ только организмъ, а соціологія только члена общества, то почему исторія литературы, какъ наука, изъ всей огромной массы біографическаго, бібліографическаго и пр. матеріала, подлежащей ея разсмотрѣнію, не можетъ выдѣлить одинъ, наиболее существенный для нея элементъ, одну наибаважнѣйшую сторону? Я выдѣляю борьбу съ крѣпостнымъ правомъ и официальной жизнью *во имя интересовъ развитія личности*. Я думаю, что это и есть та ось, вокругъ которой «вертятся» у насъ литературныя явленія XIX вѣка.

Выдѣленная мною идея сама по себѣ слишкомъ проста, чтобы надо было ее разяснять. Но то, что она важна и центральна, можетъ стать очевиднымъ лишь послѣ ознакомленія съ ея историческимъ развитіемъ. Это историческое развитіе идеи заняло у насъ почти 100 лѣтъ, такъ какъ уже въ 1790 году появилось знаменитое «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», гдѣ впервые былъ ярко выставленъ весь ужасъ крѣпостной зависимости, весь ужасъ рабства. Авторъ книги (Радищевъ) былъ пораженъ нищетою крестьянъ, ихъ безправнымъ положеніемъ, произволомъ помѣщиковъ, и каждая написанная имъ глава дышитъ гнѣвомъ и страстнымъ призывомъ къ освобожденію. Здѣсь въ жалости къ закабаленному мужику, въ протестѣ, начало потока. Литература наша стала жить своей самостоятельной жизнью.

Это невеселая жизнь, полная лишеній, жертвъ, подвижничества, страстныхъ порывовъ и часто безпомощныхъ жалобъ и проклятій передъ глухою стѣной. «Крѣпостное право стояло какъ скала», говоритъ

*) Интересны изслѣдованія Тарда („Законы подражанія“), Н. К. Михайловскаго („Научныя Письма“), проф. Бехтерева.

о своей эпохѣ Тургеневъ, и это на самомъ дѣлѣ было такъ въ странѣ, про которую Пушкинъ сказалъ:

Здѣсь тягостный яремъ до гроба всѣ влекутъ,
Надеждъ и помысловъ въ душѣ питать не смѣя...

Вотъ великій жизненный фактъ, съ которымъ прежде всего встрѣтилась литература, и этотъ фактъ, распозная по жизни какъ зараза, истощалъ, коверкалъ, грязнилъ силы людей, ихъ души и волю. Его могущество видно уже изъ того, что въ своихъ многочисленныхъ переживаніяхъ онъ живъ еще и теперь.

Стоило только столкнуться съ крѣпостнымъ правомъ, чтобы сейчасъ же столкнуться и со всѣмъ строемъ русской жизни и съ всемогущей государственностью, съ патріархальными условіями семьи, съ рабскимъ подчиненіемъ женщины и дѣтей, даже съ церковью, потому что крѣпостное право то и дѣло толковалось, какъ институтъ божественнаго происхожденія.

Преувеличить значенія крѣпостного права нельзя. Едва ли достанетъ у кого-нибудь силъ, чтобы охватить его истинные размѣры. Борьба съ нимъ—это тѣ дрожжи, на которыхъ возшла, или, вѣрнѣе, только всходитъ мысль новой Россіи.

Я слѣжу, такимъ образомъ, въ своей книгѣ за развитіемъ идеи свободы и освобожденной личности. При этомъ мнѣ, пожалуй, безразлично, къ какой собственно области принадлежитъ нужный мнѣ и характерный литературный матеріалъ: будетъ ли это публицистика, или критика, или художественное творчество. Правда, послѣднее выдѣляется обыкновенно въ особую категорію, но очень сомнительно, чтобы на самомъ дѣлѣ было нужно такъ дѣлать. «Умственное стремленіе человѣка удовлетворяется не образомъ самимъ по себѣ—давно уже замѣтилъ одинъ изъ нашихъ ученыхъ (А. Потебня),—а идею, т. е. совокупностью мыслей, пробуждаемыхъ образомъ и относимыхъ къ нему, какъ къ источнику». Мнѣ думается, что это такъ и есть. Замѣчу только, что художественный образъ особенно цѣненъ. Менѣе определенный, онъ охватываетъ огромное содержаніе, его корни запрятаны глубоко въ землю, въ дѣйствительность, прошлое. По богатству своего синтеза онъ часто является какъ бы настоящимъ откровеніемъ.

Задача моей книги опредѣлила, разумѣется, и ея фактической матеріалъ и ея программу. Въ особенныя подробности я не вдавался. Для нихъ нужно еще много и много подготовительной работы. Прослѣдить развитіе нашихъ литературныхъ взглядовъ на любовь, женщину, счастье, отношеніе личности къ обществу, смыслъ жизни, христіанскую мораль и т. д.—это, конечно, увлекательная задача, но одному человѣку съ ней не справиться.

Еще разъ повторяю: моя книга—опытъ.

Я говорю въ ней о томъ, какъ литературная личность стремилась къ свободному самоопредѣленію, какія препятствія встрѣчала она на своемъ пути, какъ боролась она съ обезцвѣчивающимъ и нивелирующимъ вліяніемъ государства, защищая свое достоинство, честь, творчество и инициативу.

Задавленная теперь личность, разумѣется была еще больше задавлена въ нашемъ прошломъ. Всемогущее государство, охранительная система канцелярій, крѣпостное право, слабое развитіе классового начала и классовой борьбы, отсутствіе какихъ бы то ни было воспоминаній о борьбѣ за право, наша нищета и наше невѣжество, наша лѣнь, воспитанная и выхолонная въ разныхъ обломовкахъ, въ канцеляріяхъ бюрократизма, въ общей неподвижности жизни, чисто хищническая система хозяйства и т. д. и т. д.,—все это принижало личность, отдавая ее подъ опеку семьи, общины, климата, государства. Она проснулась подъ громъ наполеоновскихъ пушекъ, когда, казалось, наступалъ конецъ нашему національному бытію, подъ чарующіе звуки романтической поэзіи и ея гордаго протеста противъ «тираніи» во всѣхъ ея видахъ (байронизма); но это движеніе, заброшенное въ нашу глухую, полудикую страну съ прочными укладами общинно-земледѣльческаго строя жизни, должно было вобрать въ себя его характерныя особенности. Идея свободной личности, какъ увидимъ, то стушевывалась, то даже затеривалась въ борьбѣ съ крѣпостнымъ правомъ, въ проповѣди «служенія» народу и «расплаты» съ нимъ, въ идеяхъ *«крестьянскаго царства»*.

Я обращаю особенное вниманіе на послѣднее обстоятельство. Его значеніе и интересъ велики. Земледѣльческая убогая жизнь въ особыхъ укладахъ крѣпостного права и крестьянской поземельной общины создала и опредѣлила многія своеобразныя черты нашего литературнаго мышленія. Шла борьба земледѣльческаго народа съ промышленной культурой, сохи съ плугомъ. Освободиться изъ-подъ внушенія было очень тяжелой задачей, тѣмъ болѣе, что большую часть нашего прошлаго мы думали не объ освобожденіи, а, напротивъ, о сліяніи съ народомъ и строеніи его жизни.

Въ этомъ наше *«свое»*, и такъ какъ въ разработкѣ этого своего мы проявили особенную любовь и настойчивость, такъ какъ образъ народа общинника и даже коммуниста неотступно преслѣдовалъ нашу литературу, опредѣляя ея вдохновеніе, то, конечно, тѣмъ болѣе стройности и значенія въ нашемъ литературномъ творчествѣ.

Нашу литературу преслѣдовала мечта о счастьи народа, о сохраненіи коммунистическихъ устоевъ его жизни. Во имя этого мы отрицали литературу, какъ искусство, требуя отъ нея проповѣди, защиты мужика, «устроенія его быта»; во имя этого мы вели упрямую борьбу съ Западомъ и его культурой, отрицали личность или всю ея свободу сводили къ служенію народу, подвизничеству за народъ. Мы были въ узахъ государственно-канцелярскихъ программъ, бюрократическаго произвола, идей и переживаній первобытнаго земледѣльческаго строя, морали долга и самоотреченія...

Какъ могла наша литература выдержать борьбу со всѣмъ этимъ, и что эта за прекрасная и величественная картина!.. Это драма нашего вчерашняго дня, закончившаяся героической эпохой 70-хъ годовъ, когда убогая земледѣльческая Русь въ лицѣ представителей своихъ народническихъ идеаловъ, дала свою послѣднюю битву западному міру.

Мы вступили теперь на новый путь, и прошлое настойчиво требуетъ итоговъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Особенный характер русской литературы.

1. Роль идеи в русской литературе.—2. Несколько мнений западной критики о русской литературе.—3. Требования русской литературы к себе самой.—4. Литература, как проповедь.—5. Абolicionизм.—6. Литература и государство.—7. Исключительная обстановка литературной борьбы за освобождение.—9. Личность.—10. Роль западно-европейского влияния.—11. Опрошение.—12. О некоторых народнических идеях.—13. Еще о том же.—14. Литература и христианская мораль.—15. К чему сводятся отличительные черты русской литературы.—16. Диалектика литературной идеи.

I. Роль идеи в русской литературе.

В этой первой главе нам надо отдать себе отчет в особенном характере русской литературы.

Этот особенный характер нашей литературы чувствуется всеми ее историками и они видят его обыкновенно в том, что нигде, как у нас, литература не имела такого ясно и резко выраженного характера „общественного служения“ и проповеди. Так думают гг. Пыпин, Венгеров, Скабичевский. Особенно дорожа именно этой стороной литературного прошлого, Михайловский говорит: „журналистика играла столь важную роль в истории новейшей русской литературы, что обойти ее нет никакой возможности. Не будет даже чрезмерною смелостью утверждать, что вся история есть собственно история журналистики“.

Сообразно с этим взглядом, новейшую историю литературы начинают или с Гоголя, или с Белинского, или философского брожения мысли 30-х годов. К тому, что было раньше, относятся, как к периоду подготовительному, к больше или меньше удачным усилиям приобрести свою самобытность, свое лицо, к великодушным порою, хотя и единичным, попыткам в этом смысле.

Если это и справедливо в общем, то следует теперь точнее определить „характер общественного служения новой русской литературы“

п ближе, интимнѣе связать ее съ прошлымъ. т. е. XVIII-мъ вѣкомъ. Слѣдуетъ признать, что:

1) Русская литература, привитая къ нашей жизни государствомъ, приобретаетъ свой самостоятельный характеръ лишь въ отдѣленіи отъ него.

2) Это отдѣленіе было естественно для литературы, какъ искусства, основное требованіе котораго — свободное проявленіе личности художника.

3) Не менѣе естественно было оно потому, что, благодаря главнымъ образомъ вліянію Запада, уже въ XVIII в. была намѣчена основная задача нашей литературы — борьба съ крѣпостнымъ правомъ.

4) Эта борьба, одинаково напряженная въ области философіи, морали, семейныхъ и общественныхъ отношеній, придавала нашей литературѣ особый — аболіціонистскій (освободительный) характеръ.

Дѣло вообще представляется мнѣ въ такомъ видѣ.

Литература, конечно, есть прежде всего искусство. Какъ искусство, она стремится выразить въ словѣ внутренній міръ художника, его интимную жизнь, его отношеніе къ міру и обществу.

Но въ то же время несомнѣнно, что въ литературѣ есть многое отъ науки: научнаго духа познанія въ литературѣ во всякомъ случаѣ больше, чѣмъ въ живописи, скульптурѣ, музыкѣ. Она хочетъ отдать себѣ отчетъ въ окружающей дѣйствительности, опредѣлить „смыслъ и разумъ“ явленій, свести ихъ къ типичнымъ формамъ, и, соединивъ результаты такой работы съ внутреннимъ міромъ художника, выразить волю послѣдняго и поставить свои цѣли жизни.

Преслѣдуя такія задачи, русская литература ничѣмъ—развѣ только недостаткомъ своихъ силъ и умѣнья, недостаткомъ своей самостоятельности—не отличалась отъ другихъ.

Въ сущности, на нее въ огромной ея части можно было бы смотрѣть, какъ на одинъ сплошной переводъ съ иностраннаго, чѣмъ она и представлялась, напр., Бѣлинскому, еще въ 1834 г., если бы исключительныя обстоятельства русской жизни не придали ей очень рано протестующаго характера и не выдвинули на сцену той идеи, которая стала господствующей. Эта идея, какъ я уже сказалъ, отрицаніе — въ той или другой формѣ и степени — крѣпостного права.

Когда появилась эта идея? Мнѣ бы не хотѣлось точно отмѣчать ни дня, ни часа, потому что это ровно ничего не скажетъ читателю. Каждая рѣка составляется изъ тысячи ручьевъ или ключей, и какой изъ нихъ назвать ея началомъ? Всякая излишняя точность въ данномъ случаѣ лишь поводъ къ ненужному препирательству. Достаточно сказать, что эта идея стала сознаться уже во второй половинѣ XVIII вѣка.

Мнѣ кажется, съ отдѣленіемъ литературы отъ государственной жизни; т. е. съ эпохи пріобрѣтенія ею интимнаго или протестующаго характера и съ появленія на сцену отрицанія крѣпостного права (что совпадаетъ хронологически), и слѣдуетъ начинать ея исторію.

Быть можетъ, вѣрно вообще, но въ отношеніи русской литературы особенно вѣрно, что разъ появилась и дѣя, близкая и дорогая массѣ народа, явилась и литература. Здѣсь, надо думать, наша психологическая особенность, но на всемъ протяженіи нашего историко-литературнаго прошлаго можно замѣтить, что безъ идеи литература распадается на слова — умныя и глупыя, смѣшныя и печальныя, красивыя, неуклюжія — но слова и слова. Безъ идеи, безъ вдохновенія ею — литература слишкомъ литературна; не сегодня — завтра она впадаетъ въ профессионализмъ. въ напряженное выдумываніе эффектовъ, вычурныхъ оборотовъ, лакированныхъ фразъ, вздутыхъ чувствъ.

Поставимъ ли мы себѣ это обстоятельство въ плюсъ или минусъ, это вопросъ другой, но у насъ оно такъ было и въ служенія освободительнымъ задачамъ, у насъ есть отдѣльныя крупныя явленія, но нѣтъ литературы собственно. Начавъ съ отрицанія крѣпостного права или, лучше сказать, „сенъоріальныхъ правъ и сенъоріальныхъ безобразій“ нашихъ помѣщиковъ, мы перешли къ отрицанію зависимости человѣка отъ человѣка вообще, къ проповѣди освобожденія личности отъ всякой кабалы — экономической, духовной, семейной и кабалы его эгоизма, мистическихъ и метафизическихъ стремленій его натуры.

Итакъ, жизнь нашей литературѣ дала ея идея, наиболѣе ясно выразившая стихійныя стремленія массы. Съ появленія этой идеи (въ томъ или другомъ видѣ) начинается исторія литературы въ собственномъ смыслѣ этого слова, вмѣсто „оправданія воли монаршей“.

Этой одухотворяющей, дающей смыслъ и цѣльность всему нашему литературному движенію, идеей была, говорю я, идея освобожденія народа отъ крѣпостного права. Изъ этой основной и главной, какъ вѣтви изъ ствола, выходятъ всѣ другія.

2. Нѣсколько мнѣній западной критики о русской литературѣ.

Западная критика давно почувствовала нашу индивидуальность, наше особое мѣсто въ мировомъ литературномъ творествѣ.

Въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка, когда Западъ открылъ нашу литературу, онъ съ удивленіемъ спросилъ себя (особенно по поводу Толстого), кѣмъ она создается — дикарями или святыми?

Западная критика отмѣтила прежде всего любовь къ природѣ, часто

суровую простоту рассказа, углубленія въ вопросы религіи и нравственности. „Насъ поражаетъ эта серьезность русскихъ во всемъ. Они какъ будто не пишутъ, а священнодѣйствуютъ, какъ будто не пьютъ, а причащаются... Они постоянно въ заколдованномъ кругу вопросовъ „зачѣмъ и почему?“ — выйти изъ котораго зачастую не могутъ иначе, какъ съ помощью креста и молитвы. Повидимому, у нихъ нѣтъ ничего рѣшеннаго, установленнаго... Каждый ихъ писатель, берясь за перо, одержимъ стремленіемъ создать свою религію, свою нравственность. Поэтому все это у него выходитъ и очень глубоко, и немного скучно... Они не жалѣютъ тратить лучшихъ лѣтъ жизни на вопросъ: „что дѣлать“. Главныя силы ихъ героевъ уходятъ на исканія, которыя заканчиваются печальнымъ признаніемъ, что сами искатели ненужные или лишніе люди. Мы поражаемся глубиной запросовъ, удивляемся дѣтской наивности большинства рѣшеній и не можемъ не пожалѣть, что лучшіе люди, несомнѣнно богато одареннаго народа, не могутъ столковаться о самомъ незначительномъ“...

Очень основательный изслѣдователь „Реализма и натурализма въ искусствѣ и литературѣ“, Д. Соважо, подводитъ всѣ выдающіяся особенности нашей литературы подъ понятіе „дидактическаго“, т. е. поучающаго реализма.

„Главною добродѣтью тѣхъ русскихъ романистовъ, говоритъ онъ, которые смѣнили собою романтиковъ, служить теплое сочувствіе къ себѣ подобнымъ. Это истинное, искреннее сочувствіе, доходящее до проповѣди о помощи, исходящее изъ христіанской любви къ ближнему, которая предписываетъ любить людей въ Богѣ и укрѣпляетъ человѣческое сознаніе общаго братства чувствомъ поклоненія“.

„Я слѣдилъ за жизнью въ дѣйствительности, а не въ мечтахъ, и достигъ такъ того, что есть источникъ жизни“, говоритъ намъ Достоевскій.

„Его книги вытекаютъ непосредственно изъ „Дѣяній Апостольскихъ“ и имѣютъ цѣлью подѣйствовать на общество, принести ему исцѣленіе отъ его бѣды или, по крайней мѣрѣ, надежду, что страданія не проходятъ бесполезно; по его мнѣнію, страданіе хорошо, его слѣдуетъ принимать какъ милость, въ особенности, когда его переносимъ въ братскомъ общеніи. Здѣсь тенденціозный реализмъ переходитъ уже въ область общественныхъ отношеній. Въ средніе вѣка существовали подобныя же стремленія, но они были слишкомъ рѣдки и слишкомъ разбросаны. Въ Россіи совсѣмъ иное: Достоевскій и Толстой думаютъ пересоздать общество проповѣдью христіанской любви и милосердія“¹⁾.

¹⁾ Очень близки къ этимъ я взгляды Ж. Жеметра.

Къ именамъ Толстого и Достоевскаго можно было бы прибавить и много другихъ именъ, начиная съ Гоголя, или даже Радищева. Проповѣдническая, дидактическая струна звучитъ, не переставая. Литература обращается въ концѣ концовъ въ потокъ поученія и на вершинахъ своихъ стремится къ созданію социальной религіи.

Отмѣченныя западной критикой особенности нашей литературы сводятся въ концѣ концовъ къ слѣдующему:

1) Строгое, даже ригористическое отношеніе къ общественнымъ задачамъ литературы.

2) Признаніе челоѣка нравственнымъ, т. е. существомъ отвѣтственнымъ за свои поступки предъ лицомъ своей совѣсти прежде всего.

3) Взглядъ на жизнь, какъ на нравственную проблему, проблему добра и зла, рѣшеніе которой въ торжествѣ перваго.

3. Требования русской литературы къ себѣ самой.

Нѣсколько изреченій и афоризмовъ введутъ насъ въ круговоротъ этого движенія.

„Опомнитесь, заблудшіе, смягчитесь, жестокосердые, разрушьте оковы братіи вашей; отверзите темницу неволи!“ — писалъ Радищевъ, обращаясь къ русскимъ помѣщикамъ еще въ 1790 г.

О тридцатыхъ годахъ, годахъ своей юности, Горьченъ вспоминалъ: „Проповѣдь шла все сильнѣе, все одна проповѣдь. И смѣхъ, и плачь, и книга, и Гоголь, и исторія—все звало людей къ сознанію своего положенія, къ ужасу передъ крѣпостнымъ правомъ, все указывало на науку и образованіе, на движеніе мысли отъ всего традиціоннаго хлама, на свободу совѣсти и разума, и источникомъ всего этого было проснувшееся сердце“.

„Въ наше время поэтическое произведеніе, писалъ К. Аксаковъ, хотя написанное съ талантомъ, можетъ быть только средствомъ, однимъ изъ способовъ для изображенія той или другой мысли. Извѣстенъ анекдотъ о математикѣ, который, выслушавъ изящное произведеніе, спросилъ: „что этимъ доказывается?“ Какъ ни странноъ этотъ вопросъ въ приведенномъ случаѣ, но есть эпохи въ жизни народной, когда при всякомъ, даже поэтическомъ произведеніи является вопросъ: что этимъ доказывается? Такова наша эпоха“.

Въ предсмертномъ письмѣ Бѣлинскаго къ Боткину мы находимъ такіа строки: „Будь повѣсть русская хоть сколько-нибудь хороша, главное, хоть сколько-нибудь реальна, — я не читаю, а пожираю. Главное, чтобы она вызывала вопросы, производила на общество

нравственное впечатлѣніе. Если она достигаетъ этой цѣли и безъ поэзіи, и безъ художества. — она для меня тѣмъ не менѣе интересна“.

„Безполезное не имѣетъ права на существованіе, училъ Чернышевскій. Человѣкъ — самъ себѣ цѣль, но дѣла человѣка должны имѣть цѣль въ потребностяхъ человѣка, а не въ самихъ себѣ. Искусство только напоминаетъ намъ своимъ воспроизведеніемъ о томъ, что интересно для насъ въ жизни. Его цѣль — воспроизвести, но мѣрѣ силъ, драгоцѣнную дѣйствительность и ко благу человѣка объяснить ее. Искусство — замѣна дѣйствительности и учебникъ жизни“.

Для Добролюбова мѣрою достоинства писателя или отдѣльнаго произведенія является то, насколько они служатъ выраженіемъ естественныхъ стремленій извѣстнаго времени и народа. Естественныя стремленія человѣчества, приведенныя къ самому простому знаменателю, могутъ быть выражены въ двухъ словахъ: „чтобы всѣмъ было хорошо“.

Эти взгляды нашей критики, отводящіе искусству чисто служебную роль, настолько въ ней укрѣпились, что вліяніе ихъ чувствовалось еще вчера, особенно въ статьяхъ Михайловскаго. Но самое интересное это, конечно, то, что и большинство нашихъ художниковъ держится совершенно тѣхъ же взглядовъ на искусство. Въ этомъ случаѣ скорѣе критика училась у нихъ, чѣмъ наоборотъ.

Свою творческую дѣятельность Гоголь объясняетъ жаждой самосовершенствованія и желаніемъ принести пользу другимъ. „Взявши дурное свойство мое, пишетъ онъ, я преслѣдовалъ его въ другомъ званіи и на другомъ поприщѣ, старался изобразить его въ видѣ смертельнаго врага, нанесшаго мнѣ самое чувствительное оскорбленіе, преслѣдовать его злобою, насмѣшкою и чѣмъ ни понало“... Жажда просвѣтить, принести пользу заставляла Гоголя сказать объ искусствѣ: „Оно стремится непременно къ добру, положительно или отрицательно выставляетъ намъ красоту всего лучшаго, что ни есть въ человѣкѣ, или же смѣется надъ безобразіемъ всего худшаго, что есть въ человѣкѣ“.

Ту же черту подчеркиваетъ въ себѣ и Тургеневъ: „Мнѣ необходимо нужно было удалиться отъ моего врага затѣмъ, чтобы изъ самой моей дали сильнѣй напасть на него. Въ моихъ глазахъ врагъ этотъ имѣлъ опредѣленный образъ, носилъ извѣстное имя: врагъ этотъ былъ — крѣпостное право. Подъ этимъ именемъ я собралъ и сосредоточилъ все, противъ чего я рѣшился бороться до конца, съ чѣмъ я рѣшился никогда не примиряться. Это была моя Аннибаловская клятва. Я и на Западъ ушелъ для того, чтобы лучше ее исполнить“.